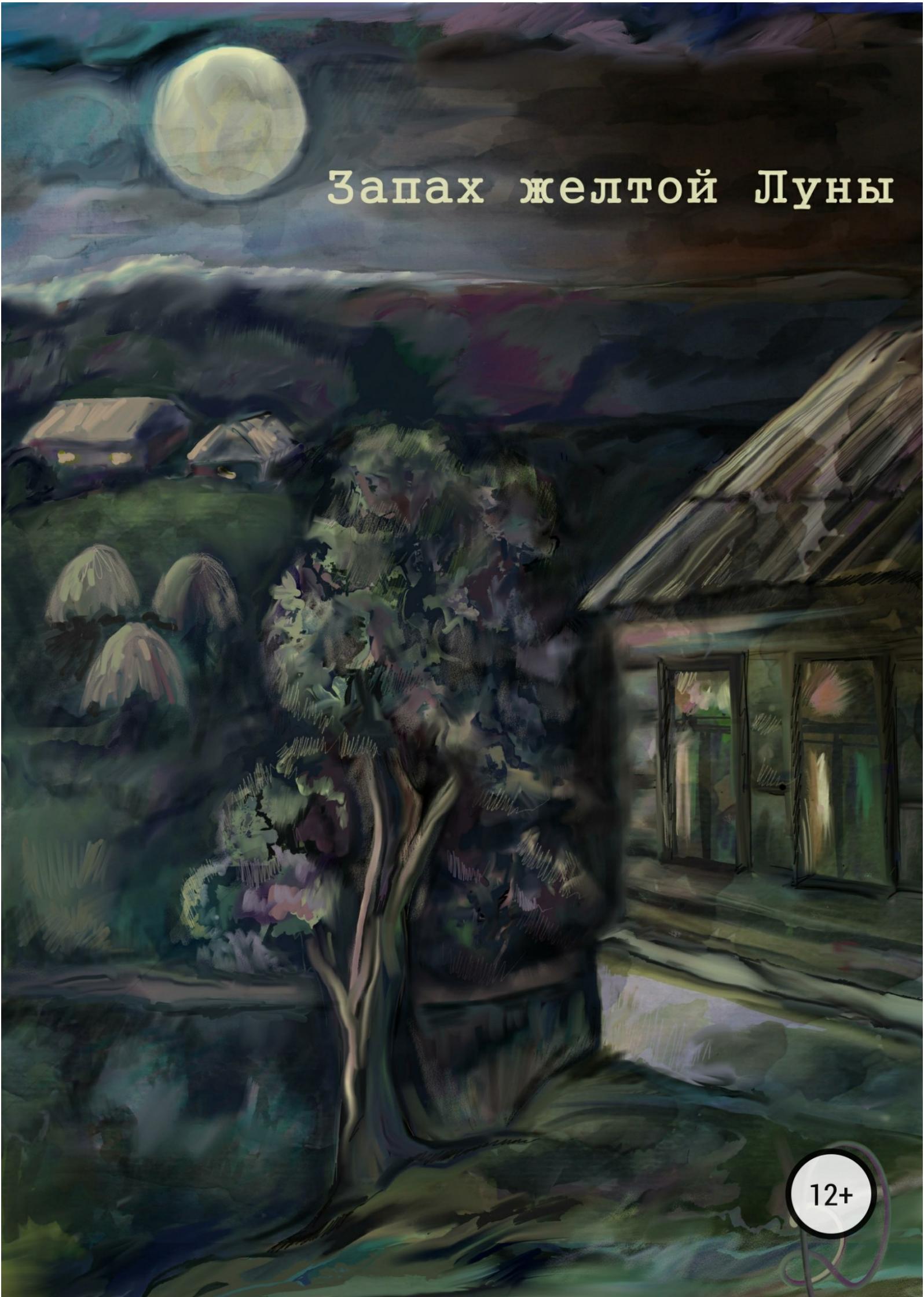

Запах желтой Луны

12+

Ольга Макарова
Запах желтой Луны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Макарова О. Д.

Запах желтой Луны / О. Д. Макарова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

О детстве, о семье, о людях. О любви и дружбе. О недалеком, но безвозвратно ушедшем от нас времени, укладе жизни и памяти о нем. В оформлении обложки использовано изображение "Прости, моя деревня". Автор Макарова О.

© Макарова О. Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Запах желтой луны.

Пролог.

Все, что время оставляет нам – воспоминания. Но, это не все воспоминания! Беда в том, что очень трудно понять, что нужно запомнить, а что – просто необходимо забыть. Из-за этого очень нелегко достать что-нибудь стоящее с захламленного чердака памяти. Я занимаюсь этим – пытаюсь вспомнить и вспоминаю.

Вы помните то время, когда впервые осознали себя? Не со слов любящих родственников, рассказывающих о ваших милых детских шалостях и первых словах: «Ты так смешно ползал, возил котенка в машинке, и вместо «Дай!», говорил: «На!». Подходил, протягивал руку к конфетке и требовал: «На!». Это было забавно».

Но разве можно верить кому-то на слово? Особенно родителям, воспитывающим нескольких детей: «Нет, так говорил твой брат, а ты говорил...». Многие не помнят и себя, где уж им запомнить других...

А кто помнит начало своего Я? То время и место, про которое можно сказать: «Я ползал, мне было трудно, но ходить-то я не умел, потому и ползал. Уж, конечно, не для того, чтобы всех смешить. Я говорил: «На!», когда хотел что-нибудь, потому что, если я что-то получал, хотел я того или нет, это всегда сопровождалось коротким словом: На.»

Да, память штука удивительная. Начните вспоминать что-нибудь конкретное, и не думайте даже сворачивать в сторону, даже и не представляйте себе ничего другого, как вдруг, вот увидите, зацепится какая-то малюсенькая вещица, или слово, или запах, и – яркая вспышка, вы уже в другом месте и в другое время. Так и пойдет – одно за другим. Попробуйте!

Сразу, может и не выйти – склеивать то, что давно разлетелось на осколки, раскатилось по темным углам и обросло пылью, трудно. Но что же такое жизнь, если в ней нет места памяти? Что это? Шаг из ниоткуда в никуда? Слово, сказанное бездумно, невпопад? Только не для меня!

На закате своих дней я вспоминаю и заново, а иногда и совсем по-новому, переживаю, то, что видел и слышал много лет назад, то, что так опрометчиво забыл. Но мне тогда было всего шесть лет, и мое будущее меня не особенно заботило. В те годы я очень шатко стоял на ногах. Я и подумать не мог, что когда-нибудь сам стану дедушкой.

Глава 1. Дедушка.

С четырех лет я начал болеть. Болела голова. Боль то усиливалась, то отпускала на короткое время, и я со страхом и слезами у горла ждал новой порции судорог. Не каждый взрослый это выдержит, мне же ничего другого не оставалось. Я и не помнил, и не знал, что бывает по-другому. И пока докторам не давались даже причины моих недугов, я привыкал жить со слезами на глазах. Мне немного помогали большие горькие таблетки, которые я изредка; мама говорила, что они очень вредные; принимал, чтобы уснуть. И еще у меня был Шкаф. В моей комнате стоял огромный старый шкаф блестящего черного цвета, и когда мамы с бабушкой не было дома, я залезал внутрь, забивался в левый угол, между тяжелой каракулевой шубой и прохладной гладкой стенкой, закидывал ноги вязаными кофтами и сидел так долго-долго, лоя в полумраке зеркала на двери свои очертания, и слушая приглушенное тиканье часов в комнате. Я словно бы переставал быть собой, становился частью одежды, пахнувшей лавандой и нафталином, и боль отступала.

Приходила мама или бабушка, двери шкафа с грохотом разлетались в разные стороны и меня ревущего выволакивали на свет, под открытую форточку. Мои родные считали, что сидение в шкафу и есть корень всех моих бед, а как же иначе: «Замкнутое пространство, нет

свежего воздуха». Они не спрашивали себя, почему я это делаю? Они же знали, что я странный ребенок. А я, как не силился, не мог все им объяснить – в пять лет я ни слова не умел сказать. Я не был отсталым, просто чтобы что-то сказать, нужно, прежде всего, это обдумать, а я не мог.

Попробуйте хотя бы минуту не думать ни о чем, ни-о-чем. Не выйдет! Все равно будете думать, о том, чтобы ни о чем не думать. Так как же мне было что-то обдумывать, если боль засела в моей голове, и со скрипом врывалась в виски: «Вот-она-я, вот-она-я, вот-я, вот-я...»?

Часы в моей комнате тикали устойчиво и ровно, и время мое шло к шести. Мама с бабушкой начали вести между собой длинные и тяжелые разговоры о моем будущем обучении. Бабушка склоняла маму к тому, что для таких, как я, есть специальные школы, в которых дети и учатся, и лечатся, и живут; и там работают люди, привычные к постоянному детскому плачу. На что мама довольно резко отвечала ей, что для таких, как бабушка тоже есть специальные дома, где нет никакого детского плача, и даже можно найти себе пару, чтобы станцевать вальс и чарльстон, так, «как сегодня уже никто не танцует». После этого бабушка хлопала дверью и надолго уходила в свою комнату, а мама садилась рядом со мной, гладила меня по голове и плакала.

В конце концов, они договорились. Однажды бабушка куда-то исчезла, а с нами стал жить какой-то странный дедушка. Мама сказала, что это наш дедушка, раньше они жили все вместе – мама, бабушка и дедушка. Потом бабушка и дедушка крупно поругались, и дедушка уехал жить в другой город, а сейчас они с бабушкой поменялись домами. Дедушка с порога поднял меня на руки, прижал к своим усам, от которых пахло бензином и табаком; это я потом узнал, что это бензин и табак, а тогда меня просто обдало волной нового резкого запаха; и сказал: «Вот он, этот мальчик, а ну пойдём, потолкуем. Как тебя зовут?». Я прижал ладони к вискам, закрыл глаза и покачал головой, что значило: «Не могу, больно».

– Пап, отпусти его, а то он опять заплачет, – укоризненно сказала мама, – С ним не поговоришь, он же не умеет.

– Поговоришь, поговоришь, еще как поговоришь, – дедушка подмигнул мне и улыбнулся желтыми от табака зубами. И я подумал, что скоро все наладится.

Я ни разу не был в бабушкиной комнате: когда она куда-нибудь уходила или просто выходила на кухню или в ванную, она всегда прежде поворачивалась к своей двери и дважды прокручивала ключ в замке. Будь вам шесть лет, вам, наверное, было бы очень интересно, что скрывается за закрытой дверью? А вот мне не было. Во-первых, мои головные боли не оставляли места любопытству: в одиночестве я всякий раз спешил обратно в свой шкаф. Во-вторых, одного взгляда бабушки было достаточно, чтобы не хотеть быть там, где она что-то прячет.

Дедушка распахнул дверь в запретную комнату настезь, и никогда не закрывал ее, даже когда спал и громко храпел. Тогда мама вставала и, вздыхая, шла по коридору, чтобы сделать это за него и заслонить нас от его шумного сна. «Комната, как комната, – подумал я, когда мама однажды попросила меня прикрыть дедушкину дверь, а я не удержался и вошел внутрь, – И зачем было ее прятать?».

Он храпел так, что его седые усы взлетали и касались его большого круглого носа. Дедушка очень часто спал днем, а по ночам уходил из дому. Иногда его не было дома несколько дней и ночей, и когда он возвращался, то спал и днем, и ночью – очень крепко спал. Сегодня был как раз такой день, поэтому я бесстрашно прошел мимо кровати и продолжил исследовать полутемное пространство: «Должно же здесь быть что-то такое – тайное!». Я добрался до угла и увидел там большой коричневый чемодан, очень старый и очень пыльный. Мои ладони, опущенные вниз, как раз были на уровне крышки, я царапнул ее, и, твердая кожа отозвалась тихим скрипом. Замки чемодана были открыты, и я решил приподнять крышку. Она оказалась тяжеловатой для меня, но все же, прежде чем густой кашель деда за спиной заставил меня вздрогнуть и уронить крышку, я успел увидеть какую-то странную выпуклую картину и край плоского желтого лица, нарисованного на ней.

Я повернулся к кровати, дед зевнул, открыл один глаз и хитро посмотрел на меня:

– Митька, а Митька, не шали! Сбегай-ка, попроси мать сделать чайку. Дед проснется и все тебе покажет. У деда скоро отпуск, вот и разберемся мы с тобой в этих делах...

Мама стала уходить из дома нарядная, приходила поздно, и от нее сильно пахло чем-то резким, но приятным – теперь-то я могу с уверенностью сказать, что это был запах мужского одеколона – запах скорых перемен в нашей жизни. Никогда прежде я не видел маму такой веселой, но все ее веселье тут же исчезало, стоило ей остаться наедине со мной и моими слезами. Она тяжело вздыхала, гладила меня по голове, и грустно смотрела куда-то вдаль, так, словно у нашей комнаты не было стен.

Однажды она не пришла ночевать. Дедушка спал, а я сидел в своем шкафу, с открытыми дверями, чтобы видеть часы на стене. «Еще пятнадцать, тридцать, сорок минут, и она придет. Оказывается, старая шуба состоит из ворсинок и дырок, и их можно перебирать пальцами под счет секундных стрелок». Девять, десять, одиннадцать часов – пока не проснулся дедушка и не прервал мой молчаливый разговор с часами и шубой.

«Митька, иди-ка сюда! – донесся с кухни бодрый и громкий голос, – Поможешь мне с ужином».

Дедушка нарезал помидоры тонкими кружочками и бросил их в шипящее масло, потом добавил туда же маленькие кусочки чеснока. Когда от них пошел ароматный дымок, дедушка достал из холодильника несколько куриных яиц и, ловко разбив их о высокий край сковороды, вылил на жареные помидоры. Я зачарованно следил за всеми его движениями и, кажется, сейчас уже точно не вспомнить; забыл и про маму, и про головную боль. Правда, ненадолго: «Конечно, – решил я, – когда мама придет, я заплачу, чтобы она знала, как я ее ждал, и от радости, что она вернулась, тоже».

– Мое коронное блюдо! – с гордостью сказал дед, поставив на стол две тарелки с горячей едой. – Сейчас возьмем хлеб, и будем макать глазунью. Давай, помогай, нарежь хлеба, – он пододвинул ко мне разделочную доску с лежащим на ней батоном и большим ножом.

Я неуклюже взял нож и проковырял в хлебе несколько дырок. Дедушка засмеялся, встал у меня за спиной и крепко, но не больно, зажал мою руку в своей огромной шершавой ладони: «Вот так, нажимай и режь, нажимай и режь!».

До наступления полночи я успел покромсать весь хлеб, колбасу и сыр в доме. «Мама обрадуется, – думал я, – Вместо того, чтобы сидеть в шкафу или плакать, я научился полезному делу». Но мамы я так и не дождался: скоро дедушка забрал у меня нож, дал мне большую горькую таблетку, и отнес в кровать. Я уснул.

Глава 2. Комната с большим чемоданом.

Его звали Геннадий Петрович, он назывался художником, носил рубашку в серо-зеленую клетку, и при этом был очень похож на гнома с картинки: на голову ниже мамы, с длинными волосами вокруг лысины, только без колпака и полосатых чулок.

Сначала он просто приходил к нам в гости по выходным, и говорил маме, что я: «Очень интересный мальчик», и ему «просто необходимо» написать мой портрет. В ответ на это мама улыбалась, я плакал; потому что думал, что это очередная лечебная процедура; а дедушка хмурился. Когда художник уходил, мама говорила дедушке, что «Гена ее очень любит, и готов принять все, как есть». Дедушка всякий раз отвечал ей, что спешка хороша только при ловле блох. Мама вздыхала, и говорила, что она «очень устала от всего этого, и ей тоже хочется счастья». А дедушка замечал маме, что, ей ли не знать: «за такое счастье всегда надо платить». После этого мама плакала, и подолгу ни с кем не разговаривала, а на меня даже и не смотрела. Она уходила в нашу комнату, и захлопывала за собой дверь. Я понимал, что это значит, и

оставался за дверью, стоял и слушал, как мама тяжело вздыхает там, в комнате, и мне казалось, что эти долгие грустные вздохи происходят у меня внутри.

Мама всегда была упрямой: очень скоро моя кровать переехала в комнату с большим чемоданом, а клетчатый гном занял мое место рядом с мамой и большим шкафом. Мне трудно вспоминать те дни: перемены – в худшую для меня сторону, стали происходить так быстро, что я не успевал к ним привыкнуть, и большую часть времени чувствовал себя неудобно. Художник и его вещи; вместе с запахами красок, растворителя и одеколona; распространились повсюду, нельзя было и шагу ступить, чтобы чем-нибудь ему не помешать. Мама начала исподволь заговаривать с бабушкой о какой-то, для меня тогда загадочной, «пенсии».

Мы с дедом стали часто гулять, в любую погоду. Если шел дождь, то мы отправлялись на соседнюю улицу, в кафе-мороженное «Сказка», но по дороге успевали промокнуть и замерзнуть – дом мы чаще всего покидали в спешке, и бабушка забывал взять зонт; и холодное мороженное, не казалось нам Сказкой. «Да, Митька, – протяжно говорил мне дед, – Третьи лишние мы с тобой». Я пожимал плечами, а он продолжал: «Ничего, еще немножечко подкоптить и можно на пенсию, уедем отсюда, купим домик, заведем бычка, кроликов». Вслед за мороженным шел горячий сладкий чай с лимоном, и я, уже сделав несколько глотков из высокого толстого стакана, успев согреться и поверить в счастливое будущее, радостно кивал в ответ. А бабушка вдруг начинал хмуриться: «Как же ты пойдешь учиться? Будешь кивать и мычать на все вопросы? Ребятишки враз бычком окрестят! Так не пойдет!».

С этими переменами, я совсем забыл про большой чемодан, который из пыльного темного угла, где теперь стояла моя кушетка, переехал под бабушкину кровать. А бабушка помнил, и однажды, когда мама с художником ушли на какую-то выставку, дед по старой привычке широко раскрыл дверь, чтобы впустить побольше света в нашу полутемную комнату с маленьким окошком, и вытянул таинственный груз из-под кровати.

Мы сидели на паласе и разбирали содержимое чемодана. «Это Богородица, икона моей бабушки»: – сказал бабушка и бережно вынул картину с изображением золотисто-желтого плоского лица, заключенного в большой серебряный круг, похожий на яркую полную луну в ночном небе. Дед сдул пыль с выпуклой темной рамки, украшенной разноцветными бусинами – он называл ее окладом, и положил картину к себе на колени.

«Какая еще бабушка? – изумился я, – Разве у самих бабушек бывают бабушки? Если и бывают, то, наверное, очень старые и страшные, как баба Яга с картинки».

«Она старинная! – прервал мои догадки дед. – Потрогай, какая тяжесть. Чудотворная!». Я осторожно подставил руку под блестящий уголок рамы и ощутил на ладони прохладное весо-мое прикосновение.

– Эта икона с давних пор в нашей семье, даже бабушка не помнила, от кого она перешла, а когда ты вырастешь, она останется тебе, дорогущая вещь, береги только, смотри, не показывай нехорошим людям, и не продавай ни в коем случае! Понял, Митька?

Я уверенно кивнул, наполненный важностью и таинственностью будущего хранителя волшебной иконы. «Может, однажды, художник уйдет куда-нибудь надолго, и я смогу спрятаться вместе с ней в своем шкафу? Вот здорово будет, от нее так приятно пахнет, удивительный сладко-горький легкий запах, от которого сразу проходит головная боль. А плоское круглое лицо, похожее на полную луну, смотрит на меня такими хорошими добрыми глазами. Я смогу долго трогать рамку и холодные разноцветные бусины под моими пальцами станут теплыми».

– Нет, так не пойдет! – покачал головой дед. – Кивками тут не обойдешься. Моя бабушка много сотен километров босая с грудным ребенком на руках шла из деревни в город, гнала перед собой корову, а на спине тащила тяжеленный мешок с иконой. Ты должен пообещать мне, сказать это. Обещаешь хранить и беречь икону?

Я усиленно затряс головой.

– Смотри на меня и повторяй за мной: О-Б-Е-Щ-А-Ю.

Я смотрел, но не на дедушку, а на желтое круглое лицо: – О-а-у-у.

– Молодец, пойдет! – обрадовался дед, и, отложив икону, зарылся вглубь чемодана, и вытащил оттуда стопку серо-желтых картинок с обтрепанными краями. – Вот моя бабушка Елена Федоровна – он протянул мне одну из картинок, на которой женщина, чем-то похожая на маму, одетая в платок и длинное платье с фартуком, стояла рядом с тремя маленькими мальчиками.

– Это Алексей Иваныч – мой отец, – дедушка ткнул пальцем в мальчика посередине, – А это – Михаил и Андрей, – он поочередно показал на левого и правого мальчика, – Братья отца, мои дядья, значит. Понял?

Я кивнул, хотя и был окончательно сбит с толку: «Как отцом дедушки может быть маленький мальчик, а бабушкой – женщина не старше моей мамы?».

– А это Покровское – наша родная деревня, – продолжал дедушка, протягивая мне карточку с веселыми людьми в сапогах и длинных фартуках на фоне черного поля и белого неба с тяжелыми серыми облаками, – Далеко-далеко отсюда, тихое местечко, озеро, лес, красотища, когда-нибудь мы с тобой туда поедем, купим домик...

«Послезавтра мы уезжаем в Крым, на три недели, – сказала мама дедушке, – Геннадия Петровичу необходим пленэр на побережье, а мне нужно поправить здоровье у моря. Тебе придется присмотреть за Митей».

Я уже знал, что дедушка работает водителем. Он и его друг ездят на большой машине по всей стране и возят разные вещи из одного места в другое. Я знал, что скоро он снова уедет, и его не будет дома несколько дней. «Значит, я останусь совсем один. Тогда я достану из чемодана «Желтую луну» (так я называл дедушкину икону), закроюсь с ней в своем шкафу и просижу там до тех пор, пока дедушка не вернется. Надеюсь, полуслепые страшные существа; а я, подобно всем детям, знал о том, что они ночью бродят по квартирам, в которых дети остаются одни; не догадаются заглянуть в шкаф, а если и догадаются, то не отыщут меня под грудой старой одежды, а если отыщут, то, тогда...

Слезы сами полились из глаз, я кинулся к маме, и вцепился в ее колени:

– Нет, нет, мама! Не хочу один!

Впервые мы поменялись местами: я говорил, а она стояла, не произнося ни слова, и оторопело смотрела на меня.

Вечером, лежа в кровати, я услышал разговор за дверью:

– Я не могу отменить рейс, меня некому заменить, – громко и сердито сопел дедушка, старающийся говорить шепотом. Ты же мать, в конце – то концов! Сын, наконец-то, начал поправляться, заговорил, нужно, чтобы ты была рядом! Возьми его с собой, на море, пусть купается и ест фрукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.